

10. Losev, A. (1963), *Istoriya antichnoy estetiki . Rannyyaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early classics], Moscow, Iskusstvo. (in Russian).
11. Moss, M. (1996), *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Society. Exchange. Personality], Moscow, Vostochnaya Literatura. (in Russian).
12. *Obryad. Ritual*. [The Rite. Ritual] (2003), *Kul'tura i kul'turologiya* [Culture and culturology], a dictionary of A. Kravchenko, compl. ed., Moscow, Business book. (in Russian).
13. Sorokin, P. (1914), *Emil Dyurkgeym o religii* [Emile Durkheim on religion], *Novye idei v sotsiologii* [New Ideas in Sociology], St.-Petersburg, Obrazovanie. (in Russian).
14. Teplov, B. (1961), *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey* [Psychology musical abilities], *Problemy individual'nykh razlichiy* [Problems of individual differences], Moscow, Academy of Sciences of the RSFSR. (in Russian).
15. Toporov, B. (1988), *O rituale. Vvedeniye v problematiku* [About ritual. Introduction to the problems], *Arkhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh* [The archaic ritual in folklore and ancient literature monuments], Moscow. (in Russian).
16. Turner, B. (1983), *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Moscow. (in Russian).
17. Fustel de Coulanges, N.-D. (1906), *Grazhdanskaya obshchina drevnego mira* [The civil community of the ancient world], with Fr. Ed. Prof. D. Kudravskiy, St.-Petersburg. (in Russian).
18. Holopova, V. (1994), *Muzyka kak vid iskusstva* [Music as an art form], Moscow, Scientific and creative Center of "Konservatريا". (in Russian).
19. Chernykh, A. (2012), *Ritualy v mediatizirovannom obshchestve* [Mediatization rituals in society], National Research University of the Higher School of Economics], Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. (in Russian).
20. Shaposhnikov, L. (1987), *P. A. Florenskiy i sovremennoye pravoslaviye* [P. A. Florensky and modern orthodoxy], *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], Moscow. (in Russian).
21. Eliade, M. (1994), *Svyashchennoye i mirskoye* [Sacred and profane], Moscow, Izd-vo MGU. (in Russian).
22. Harrison, J. E. (1951), *Ancient Art and Ritual*, London. (in English).
23. Robertson-Smith, W. (1927), *Lectures on the religion of the Semites*, London. (in English).

УДК 78.031

Татьяна Каплун

**ИДЕАЛ МУЖСКОЙ СВЯТОСТИ В ДРЕВНЕКИЕВСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ
И ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ АНТОНИЯ И ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКИХ)**

В статье исследовано исторические и источниковедческие проблемы певческой службы святым Антонию и Феодосию Печерским. Рассмотрены особенности формирования культа древнерусских святых на агиографическом и богослужебно-певческом уровнях. Проведен анализ вербального и невменного текста указанных служб, который выделяет круг духовных качеств святых и характеризующие их мелизматические фигуры и попевки.

Ключевые слова: древнекиевская святость, Антоний и Феодосий Печерские, агиография, певческие рукописи, духовные качества, фитные фигуры, попевки.

Тетяна Каплун

**ІДЕАЛ ЧОЛОВІЧОЇ СВЯТОСТІ В ДАВНЬОКИЇВСЬКІЙ АГІОГРАФІЧНІЙ
ТА СПІВОЧІЙ ТРАДИЦІЯХ
(НА ПРИКЛАДІ ОБРАЗІВ АНТОНІЯ І ФЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСЬКИХ)**

У статті досліджено історичні і джерелознавчі проблеми співочої служби святым

Антонію и Феодосію Печерським. Розглянуто особливості формування культу давньоруських святих на агіографічному та богослужбово-співочому рівнях. Проведено аналіз вербального та невменного тексту вказаних служб, який виокремлює коло духовних якостей святих та мелізматичні фігури і поспівки, які їх характеризують.

Ключові слова: давньокиївська святість, Антоній та Феодосій Печерські, агіографія, співочі рукописи, духовні якості, фітні фігури, поспівки.

Tatyana Kaplun

THE IDEAL OF MALE HOLINESS IN ANCIENT KYIV HAGIOGRAPHIC AND SINGING TRADITIONS (ON THE EXAMPLE OF IMAGES ANTHONY AND THEODOSIUS)

The article focuses on the incarnation in ancient hagiographic and church-singing tradition of male aspects of Orthodox holiness in the face of one of the first saints Ancient Kyiv – the monks of Kiev-Pechersk monastery Anthony and Theodosius.

The most characteristic of the medieval culture type of holiness – the ascetic monk – these materials reveal the traditional set of topoi, concepts and symbols in a hagiographic and liturgical texts, which deeply reveal the spiritual qualities of the saints of the early Christian period in the history of Kievan Rus laid the foundations of the monastic life and became a model of service to the Orthodox Church.

Basic information about the life and heroism of sanctity of ancient saints, we find in their Lives (“Life of Theodosius” is written in the 80 years of XI century Nestor the Chronicler, the life of St. Anthony remained fragmented as part of a series of written records). In the lives of these, according to the requirements of the genre, represented by the traditional narrative motifs (born of pious parents, the attraction to the church since childhood, a new monastery device, etc.). Art Lives of the dominant religious motive is likening the angels.

Services Pechersk saints, including their singing side, little studied in domestic science. Backed by Cyril Belozersky list znamenny singing manuscripts 80th. of the XVI century, in which there is a service of Theodosius, the author reveals a fairly complete version of the hook Old Russian sacred service, which includes more than 15 hymns, which was not considered medievalist and introduced for the first time in the scientific revolution.

Text analysis of ancient Russian life Theodosius Pechersky and modern text service Anthony and Theodosius showed a circle of spiritual qualities of the holy monk, that is inherent in them: divine wisdom, God Mind, wisdom and knowledge of God; luminosity; enlightenment; spirituality associated with assimilation to Christ; chastity; purity; meekness; tihost; humility; forgiveness; love; austerity; hard work; spiritual guidance, ease of mind, the spiritual gift of insight. This range of qualities present in a particular context, all chanting the holy men and embodies the ideal image of the ancient Russian Orthodox and holiness in general.

For hagiographic and singing texts characterized by the presence of stable verbal and neumes formulas (stable verbal turns, melismatic and singing figures that produce the most significant word and a number of words that carry a high spiritual meaning. This circle of words, characters emphasizes using melismatic singing of as a source of grace (“otcemo”, “ynokuiushchymo”), as a means of spiritual work (we – “molymsia”, St. Anthony and Theodosius – “molisyа”, ”moli” for us, and then how obedient “oucheniko” we hope to “spastysia” and the saints – to “spasty” us as “pesnemi” and actions “dobrodetelno”).

Further, in the marked circle songs old Russian monody used in the analyzed hymns, of which the most commonly used kulisma, in a symbolic interpretation of expressing affection, forgiveness, an appeal to the neighbor with love and kakiza, grunka, key Sredinka, Dolinka, Khamila, quote and all.

Key words: Ancient Kyiv holiness, Anthony and Theodosius, hagiography, choral manuscripts, spiritual qualities, Fita-figures, the melodic fragment.

*“Дух Святой написал жития святых, чтобы каждый из проводящих какой-либо образ жития возводился к истине подобными примерами”
Св. преп. Нил Синайский (V в.) [5, с. 341]*

Современное музыковедение демонстрирует значительное расширение границ своего исследовательского поля: в него попадают такие явления, которые ранее либо находились на периферии изучения истории музыкальной культуры, либо понимались как особая, замкнутая сфера. В полной мере это относится к изучению истории духовной культуры Средневековья, и, прежде всего, религиозного сознания и религиозных практик, отраженных в богослужебной певческой традиции.

В фокус внимания ученых попадают явления и источники, ранее мало задействованные в исследованиях богословско-богослужебных основ православной средневековой истории. К числу таких вновь обнаруженных “окон в прошлое” относятся средневековая агиография и, в особенности, богослужебная практика культа святых Древней Руси, претворяющих специфику восприятия феномена святости в восточнославянской церковной, в том числе агиографической и певческой, традиции.

Рассмотрение ряда аспектов богослужебных текстов, посвященных святым, определяется стремлением исследователей рассматривать их как существенный элемент духовно-социальной жизни Средневековья, с одной стороны, и как зеркало, отражающее важнейшие категории средневекового сознания, с другой. Проблемы, касающиеся этой темы, рассматривались в исследованиях В. Васильева [2], Е. Голубинского [4], М. Парамоновой [10], Н. Серегинной [12], В. Топорова [14], Г. Федотова [15] и других.

Цель статьи – выявление в древнекиевских агиографических и богослужебных текстах свидетельств о духовных доминантах средневекового сознания, что позволяет раскрыть различные аспекты жизни общества эпохи Средневековья. Изучение указанных памятников, а также иных письменных свидетельств православной духовной традиции, фиксирующих принципы моделирования образа святого, ориентировано, в свою очередь, на выяснение представлений о религиозном идеале средневековой эпохи.

В нашей статье речь пойдет о воплощении в Киевской Руси идеала святости в лице одних из первых древнекиевских святых – монахов Киево-Печерского монастыря Антония и Феодосия Печерских. Рассмотрение духовных качеств двух величайших святых своего времени, отраженных в житийной и церковно-певческой традиции, позволит выявить *мужские* аспекты древнерусской святости.

Как известно, “образ святого – героя, воплощавшего христианский духовно-этический идеал, – создавался путем наложения агиографического текста на обстоятельства жизни героя в совокупности представлений об образцовом христианине и избраннике Божьем (т. н. “концепция святости”). Биография героя или его личность как таковые не интересовали автора жития: его целью было найти и сделать явными для всех подтверждения совершенства и избранности святого” [10, с. 12].

Основой для агиографического дискурса является следование Библии как непререкаемо авторитетному источнику и повествованию о Христе, уподобление которому было универсальной “матрицей” поведения святого. Образно-риторический язык агиографических и богослужебных текстов в значительной мере основан на прямых цитатах и парафразах из Священного Писания, а также из других авторитетных текстов (как духовных, так и исторических). Герой жития, таким образом, может быть отнесен к определенной категории святых в соответствии с традиционными для данного типа святости атрибутами и жанровыми конвенциями.

В агиографических источниках, создававших определенный идеал личного благочестия, задается система связи святого с Богом и с социумом (соответственно, вертикальный и горизонтальный типы взаимоотношений). И все жизненные коллизии, происходившие в жизни святых, становились объектом рефлексии, основной модус которого определялся духовно-нравственной системой христианских ценностных моделей. Традиционный набор топосов, концептов и символов оставлял для авторов житийных и богослужебных текстов возможность их отбора, выстраивания и комбинирования в определенной последовательности, что, тем не

менее, давало возможность истолкования смысла используемых параллелей.

Первоначально применение термина “святой” было лишено строгой определенности. Исторически первым типом святости был *святой-мученик*, воплотивший мистико-этические устремления раннего христианства и имевший эсхатологическую направленность; мученичество как высшая форма религиозной избранности почиталось на протяжении всего средневековья, и особенно в системе народного почитания. Позже появляется новый тип святости – *святой-исповедник*, который персонифицировал религиозное подвижничество и уже не включал как обязательный момент мученическую смерть [3, с. 11, 26].

Наиболее типичной фигурой в кругу святых на протяжении всего Средневековья и доминирующей в течение его первых столетий был образ **монаха-аскета**, поскольку развитие монашества как аскетического движения оказало огромное влияние на определение критериев святости.

Представления о святости вобрали в себя как основные требования христианской религиозной этики, так и практики личного благочестия. Особую значимость при этом приобретают мотивы подражания Христу и апостольской жизни. Хотя совершенство святого и связывалось в значительной мере с его личными усилиями, проявление святости в форме исключительной личной религиозности и сверхъестественных способностей воспринималось как внезапное озарение, очевидное влияние божественной благодати. Особые достоинства святого обычно обнаруживались в раннем возрасте и указывали на его изначальную избранность, которая становилась явной в ходе последующей жизни.

Антоний (ок. 982 – 1037) и Феодосий Печерские (1008 – 1074) – яркие фигуры раннехристианского периода истории Киевской Руси, заложившие основы древнерусской монашеской жизни и ставшие образцом служения Православной церкви как монахи-аскеты.

Феодосий Печерский как древнекиевский святой был торжественно канонизирован молодой церковью вторым после братьев-мучеников Бориса и Глеба. Основатель Киево-Печерского монастыря стал первым преподобным на Руси и “предпочтение, отданное современниками святому Феодосию перед Антонием не было случайностью. В лице первого Древняя Русь нашла свой идеал святого, которому оставалась верна много веков” [15, с. 28].

Основные сведения о жизни и подвиге святости древнерусских святых мы находим в их Житиях, – особом повествовательном жанре христианской литературы, который, входя в состав Св. Предания Православной Церкви и подчиняясь строгим стилистическим канонам жанра, почти не дает факты исторической биографии святого, поскольку житие освещает не столько личностные черты героя, сколько его духовный подвиг и путь к святости, т. е. собственно предмет поучения и почитания.

“Житие Феодосия” – инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря – написано в 80-х годах XI века монахом той же обители – Нестором Летописцем через 30 с небольшим лет после преставления святого и принадлежит к жанровой разновидности житий по типу святости – это житие основателя монастыря и преподобного. С XII века “Житие” входило в состав Патерика Печерского, наиболее древняя редакция которого сохранилась в Успенском сборнике XII–XIII вв.

Жития преподобных представляют собой самый распространенный тип агиографических текстов, направленных на выявление сути и вневременного содержания подвига святого, земная жизнь которого была путем к Богу. Поэтому агиограф зачастую оставляет в образе святого лишь типическое, каноническое, “небесное”¹. Этим объясняется традиционное для данных житий наличие большого числа устойчивых литературных формул, общих для ряда текстов мотивов, сюжетов, структурных элементов текста, которые на первый взгляд кажутся простыми заимствованиями [3, с. 49]. Так, жизнеописание святого, как того

¹ Будучи одним из самых формализованных литературных жанров, Житие строго следует канону, проявляющемуся на всех уровнях – *структурном* (строгая схема жития), *стилистическом* (круг определенных поэтических средств, важнейшим из которых является агиографическая топика – κοινὸ τόποι, т. н. общие места), *идейном и символично-богословском* (принцип уподобления и следования сакральным образцам – подражание Христу, ангелам, другим святым).

требовал жанр произведения, содержит ряд стереотипных сюжетных мотивов: рождение будущего святого от благочестивых родителей, “прилежание” к церкви с детства, избегание радостей и соблазнов “мирской жизни”, собрание братии и устройство нового монастыря и др. Художественной доминантой монашеских житий является мотив подражания (и/или уподобления) ангелам, т. е. монахи должны вести ангелоподобную жизнь: отвергнуть жизнь плотскую и сосредоточиться на жизни духа [8], что мы видим в Житии преп. Феодосия Печерского.

Но в то же время это житие привлекает обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Феодосий, смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, борется со стремлением сына “даться” Богу. Монахи Киево-Печерского монастыря предстают перед нами вполне земными людьми, которые с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, сильно уступая своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии [7].

В описании чудес и видений Нестор сумел найти выразительные детали, создающие иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, за исключением традиционного для житий вступления, где автор молит Бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, будучи сюжетным и динамичным.

Если житие преп. Феодосия сохранилось в составе ряда рукописных сборников, древнейший из которых, Успенский, относится к концу XI в., то житие преп. Антония по неизвестным на сегодня причинам было утрачено еще в древнерусский период и сохранилось лишь фрагментами в составе ряда письменных памятников¹.

Согласно данным источникам, с юных лет будущий киевский святой, мирское имя которого было Антипа [11, с. 89], почувствовал влечение к духовной жизни и решил идти на Афон, где принял Великую схиму с именем Антония. Вернулся он в Киев в 1028 г., когда великим князем Руси был Ярослав Мудрый. Здесь, где в качестве исполнения послушания от афонского игумена, преп. Антоний основывает иночество в новопросвещенной христианской стране [6]. Памяти святого посвящен в годовом круге ряд дат: 10 (23) июля, 2 (15) сентября – вместе с преп. Феодосием Печерским, 28 сентября (11 октября) в составе “Собора преп. Отцов Киево-Печерских” и 2-я неделя Великого поста (Собор всех Печерских святых).

Киево-Печерским монашеством были восприняты афоно-студитские идеи, и Феодосий как основатель первой монашеской обители Киевской Руси стал печерским подвижником, сознательно адаптировавшим к древнерусской действительности монастырскую ортодоксию Афона (по инициативе святого был принят первый Устав Печерского монастыря, составленный на базе студийского общежительного устава, список которого был прислан по просьбе Феодосия из Константинополя около 1068 г. и ставший основой монастырской жизни всей Руси). Именно он сформулировал важнейшие политические требования, определявшие церковную линию в эпоху удельных княжеств, также преподобный дал соответствующий идеал христианского праведника, положенный в основу отечественной религиозной традиции.

Службы, посвященные святым Антонию и Феодосию Печерским, как древнерусского, так и Нового периодов, – тема практически не исследованная в науке. Единственный ученый, обращавшийся к истокам древнерусской литургической традиции, – Ф. Г. Спасский в своей книге “Русское литургическое творчество” посвятил службам Феодосию Печерскому несколько страниц 4-й главы [13, с. 74–79]. Что касается службы Антонию Печерскому, то информация о ней практически отсутствует в исследовательской литературе.

В частности, исследователь пишет о службах св. Феодосию следующее: “вторая служба

¹ Например, “Житие преп. Феодосия”, “Повести Временных лет”, а также ряда позднейших летописей XVII века – Густынской, Архангелогородской. Т. о., главным источником жизнеописания преп. Антония служит “Сказание чего ради Печерский монастырь назвася”, содержащееся в составе “Повести Временных лет” и написанное печерским иноком преп. Нестором Летописцем.

Киевского творения [под первой подразумевается служба мученикам Борису и Глебу – Т. К.] и сама заимствует из греческих источников и становится источником для заимствований для позднейших служб” [13, с. 74]. Далее автор указывает на присутствие в двух минейных службах (день памяти 3 мая и день перенесения мощей 14 августа) Феодосия Печерского элементов Студийского и Иерусалимского уставов, а также рассматривает вероятного автора этих служб – печерского инок Григория (ум. в 1120 г.), творца канонов, которому приписывает также канон на перенесение мощей св. Николая [13, с. 74].

В рассматриваемой службе (в частности, в каноне) используется текст житийной литературы Иакова Черноризца и Нестора Летописца (например, указывается на желание преп. Феодосия отправиться в Палестину), а также присутствует общность сюжетных мотивов и топосов в стихирах служб тезоименитого Феодосию Печерскому преп. Феодосия, память которого приходится на 11 января. Отметим также, что тексты службы киевского инок затем будут активно задействованы в аналогичных службах не только Киевской, но и Московской Руси, в том числе в знаменитых текстах крупнейшего автора московских служб святым Пахомия Серба (так, прямые параллели присутствуют между первой и второй стихирами и славником на хвалитех и тропарем, а также кондаком службы преп. Сергию Радонежскому) [13, с. 76–78].

Рассматривая особенности текста двух служб Феодосию Печерскому, Ф. Г. Спасский отмечает стиливые различия между текстом всей службы и текстом стихир на литии и седадьнов: на многословие, напыщенность и чрезмерную насыщенность житейскими подробностями текстов указанных песнопений, противостоящей краткости и простоте остальных образцов древнекиевской службы. Также ученый, рассматривая текст третьей стихир на литии, пишет о ее громоздкости и присутствии в ней поздней вставки – обращения к Антонию и Феодосию Печерским, что является отходом от темы прославления только преп. Феодосия, характерного для древнего текста службы [13, с. 78].

Вторая служба 14 августа преп. Феодосия, древняя по всем показаниям, согласно описанию ученого, принадлежит Григорию и посвящена перенесению мощей преподобного, будучи написанной под живым впечатлением от открытия и перенесения мощей святого. “Многие песнопения взяты из общей минеи, даже тропарь общий преподобным. Положен, все же, полиелей, имеется стихира по 50 псалме из общей же минеи и стихир на хвалитех” [13, с. 79].

Источниковедческие разыскания списков древнерусской службы обоим святым – дело крайне трудоемкое, потребовавшее от автора статьи ряда лет для поиска, систематизации и обработки указанного материала. На сегодняшний день в работе у нас в качестве репрезентативного источника имеется список певческой рукописи 80-х гг. XVI века Кирилло-Белозерского монастыря, находящийся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) под шифром Кир.-Белоз. собрание, № 586/843, в которой на л. 549 об. – 552 помещена служба Феодосию Печерскому. Данный памятник содержит поистине уникальное количество служб древнерусским святым и фиксирует очень обширный круг песнопений святым, зафиксированный беспометной знаменной нотацией (см. репертуарный список службы в *Приложении 1* данной статьи), – свыше 15 песнопений, т. е. достаточно полный вариант крюковой службы древнерусскому святому. Как замечает петербургский исследователь М. Василик, “нотированные беспометные списки этих песнопений представляют собой крайне редкое явление в древнерусской рукописной традиции” [1, с. 264]. Кроме того, в рукописи присутствует указание на исполнение канона святому с крюковым вариантом катавасии канона “Иже твое преславное оупение празднуюущихо”. Насколько нам известно, данный цикл не рассматривался медиевистами и вводится нами в научный оборот.

Помимо древнерусского памятника, нами привлекаются тексты богослужения послереформенного периода, т. е. существующие с середины XVII века по сегодняшний день в богослужебной традиции православной русской церкви. В частности, мы используем текст службы Антонию и Феодосию Печерским, изложенном в т. н. “Зеленых Минеях”, наиболее полном собрании современных православных служб святым.

Антоний и Феодосий Печерские относятся к разряду преподобных святых,

т. е. “христиан, прославленных за их монашеские подвиги и достигшие святости путем монашеской аскезы. ... Обожение составляет существо святости для любого лика святых. Термин обожение необходимо понимать в свете учения свт. Григория Паламы (XIV в.) о различии в Боге сущности и энергии. ... обожение, то есть причастность “Божескому естеству” (2 Пет. 1. 4), есть причастность ... Божественным энергиям” [3, с. 26], ибо “Бог, невидимый по природе, делается видимым благодаря энергиям”, – учит свт. Григорий Нисский” [3, с. 27].

Анализ текста древнерусской службы Феодосию Печерскому и современного текста службы Антонию и Феодосию Печерским выявил круг духовных качеств святых преподобных, который им присущ: богомудрость, богоразумие, мудрость, богопознание; светоносность; просветительство; духовность, связанная с уподоблением Христу; целомудрие; чистота; кротость; тихость; смирение; всепрощение; любовь; аскеза; трудолюбие; духовное наставничество, простота ума, духовный дар прозрения. Указанный круг качеств присутствует в том или ином контексте во всех песнопениях святым и воплощает мужской идеальный образ древнерусской и православной святости в целом.

Гимнографический текст песнопений святому Феодосию Печерскому, представленный в древнерусском невменном памятнике конца XVI века, является результатом творческого и религиозного вдохновения монаха Киевской Руси и представляет собственно оригинальное творение восточнославянской средневековой культуры.

В. О. Ключевский писал о “готовых формулах жития”, Д. С. Лихачев в своих работах объясняет заимствование готовых формул термином “этикетность”, которая как область сознания теснейшим образом связана с каноном. “Этикет же объясняет заимствования из одних произведений в другие устойчивых формул и ситуаций, способы образования редакций” [9, с. 94]. Подобный прием используется и в невменной строке древнерусского музыкального памятника – в нем графическим способом выделяются самые значимые слова и ряд слов, несущие высокую духовную нагрузку. В певческой рукописи подобное выделение связано с фитными и лицевыми распевами, а также с попевочной структурой, которая к концу XVI века являлась устойчивой и развитой, обозначенной в музыкально-теоретических памятниках XVI–XVII вв. как “Какизники” (от слова “какиза, кокиза” – попевка).

Проанализировав невменную и вербальную строки древнерусских песнопений святому Феодосию Печерскому, мы выявили круг фит и попевок, применяемых в вышеуказанном списке певческой рукописи: фиты как наиболее развитые внутрислоговые мелодические образования знаменного распева применяются древнерусскими распевщиками на следующих словах-символах: “отце́мо”, “инокую́щимо”, “моли́мся”, “моли́ся”, “моли́”, “оучени́ко”, “спасти́ся”, “спасти́”, “песне́ми”, “добродетел́но”, “распали́лося”, “свы́ше”, “серде́цы” (а также на словах – “еси́”, “твоя́”, “тебе́” и “твоим”, “на Тя”, “тем же”, “тамо”) (список песнопений, в которых применяются фиты и лица, а также их начертания см. в Приложении 2).

Как видим, круг слов-символов акцентирует при помощи мелизматического распевания *источник благодати* (“отце́мо”, “инокую́щимо”, т. е. печерских преподобных отцов) и *способы духовной работы* (мы – “моли́мся”, святые Антоний и Феодосий – “моли́ся”, “моли́” за нас, а затем как послушные “оучени́ко”, мы имеем надежду “спасти́ся”, а святые – “спасти́” нас, как “песне́ми”, так и поступками “добродетел́но”).

Из круга попевок древнерусской монодии в анализируемых песнопениях наиболее часто употребляемы: кулизма, которая в символической трактовке выражает умиление, прощение, обращение к ближним с любовью, какиза, грунка, ключ, срединка, долинка, хамила, кавычка и др.

Таким образом, на основе анализа древнерусских житийных и церковно-певческих невменных источников в статье выявляются вербальные и певческие способы воплощения круга важнейших топосов *мужских* аспектов православной святости в лице одних из первых древнекиевских святых – монахов Киево-Печерского монастыря Антония и Феодосия Печерских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василик М. Тропари преподобным святым в Стихираре “Дьячее око” / М. Василик // Певческое наследие Древней Руси (история, теория, эстетика) / Сост. Н. Б. Захарьина, А. Н. Кручинина. – С.-Пб. : Ut, 2002. – С. 261–290.
2. Васильев В. П. История канонизации русских святых / В. П. Васильев. – М. : Универ. тип., 1893. – 256 с.
3. Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С. Б. Введение в агиографию. Учебное пособие / Владимир (Швец), архимандрит, С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2015. – 264 с.
4. Голубинский Е. Е. История канонизации святых русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье: О-во любителей церк. истории, 1998. – 606 с.
5. Добротолюбие избранное для мирян / Сост. архим. Ювеналия (Килина). – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 146 с.
6. Житие преподобного Антония Печерского, основателя Киево-Печерской лавры и первоначальника иноков русских. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://saints.ru/a/antoniya_pechersk.htm.
7. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / [Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко]. – Т. I. XI–XII вв. – СПб. : Наука, 1997. – С. 352–433.
8. Житийная литература // Православная энциклопедия. – М. : Изд-во церковно-научного центра РПЦ “Православная энциклопедия”. – 2000–2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru>.
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1967. – 372 с.
10. Парамонова М. Ю. Культ святых и их социальные функции в средневековой Латинской Европе. Методическое пособие к спецкурсу / М. Ю. Парамонова. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2001. – 24 с.
11. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига / М. П. Погодин. – М. : Терра – Книжный клуб, 1999. – 509, [1] с.
12. Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. “Стихирарь месячный” / Н. С. Серегина. – С.-Пб. : Б. и., 1994. – 469 с.
13. Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным Минеям) / Ф. Г. Спасский. – М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2008. – 544 с.
14. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – Т. I. – М. : Гнозис, Языки русской культуры, 1995. – 871 с.
15. Федотов Г. П. Святые древней Руси / Г. П. Федотов // Собрание сочинений в 12 томах. – Т. 8 / [Сост., примеч. С. С. Бычкова]. – М. : Мартис, 2000. – 268 с.

REFERENCES

1. Vasilik, M. (2002), Troparia Reverend holy in Stihirare “Dyachee eye” *Pevcheskoe nasledie Drevney Rusi (istoriya, teoriya, estetika)* [Singing heritage of Ancient Russia (history, theory, aesthetics)], Sankt-Petersburg, “Ut”, pp. 261–290. (in Russian).
2. Vasilev, V. P. (1893), *Istoriya kanonizatsii russkikh svyatykh* [History of the canonization of Russian saints], Moscow, Universitetskaya tipografiya. (in Russian).
3. Vladimir, (Shvets), arhimandrit, Sorochan, S. B. (2015), *Vvedenie v agiografiyu. Uchebnoe posobie* [Introduction to hagiography. Tutorial], Kharkiv, Maydan. (in Russian).
4. Golubinskiy, E. E. (1998), *Istoriya kanonizatsii svyatyih russkoy tserkvi* [History of the Causes of Saints of the Russian Church], Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvore. (in Russian).
5. Yuvenaliy (Kilin), arhimandrit (2007), *Dobrotolyubie izbrannoe dlya miryan* [Philokalia favorites for the laity], Moscow, Izdatelstvo Sretenskogo monastyrira. (in Russian).
6. *Zhitie prepodobnogo Antoniya Pecherskogo, osnovatelya Киево-Печерской лавры i pervonachalnika inokov russkikh* [Life of St. Anthony of the Caves, the founder of the Kiev-Pechersk Lavra and Russian monks pervonachalnika], available at: http://saints.ru/a/antoniya_pechersk.htm (access August 1, 2016).

7. Zhitie Feodosiya Pecherskogo [Life of Theodosius of the Caves] (1997), *Biblioteka literatury i Drevney Rusi* [Library Literature of Ancient Rus], T. I. XI – XII vv. – Sankt-Petersburg, Nauka, pp. 352–433. (in Russian).
8. Zhitiynaya literatura [Hagiography], *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Izdatelstvo tserkovno-nauchnogo tsentra RPTS “Pravoslavnaya entsiklopediya”, 2000–2012, available at: <http://www.pravenc.ru>. (access May 25, 2016). (in Russian).
9. Lihachev, D. S. (1967), *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature], Leningrad, Nauka. (in Russian).
10. Paramonova, M. Yu. (2001), *Kult svyatyih i ih sotsialnyie funktsii v srednevekovoy Latinskoj Evrope. Metodicheskoe posobie k spetskursu* [The cult of the saints and their social function in medieval Latin Europe. Methodical manual for the course], Moscow, Institut vseobschey istorii RAN. (in Russian).
11. Pogodin, M. P. (1999), *Drevnyaya russkaya istoriya do mongolskogo iga* [Ancient Russian history before the Mongol yoke], Moscow, Terra – Knizhnyy klub. (in Russian).
12. Seregina, N. S. (1994), *Pesnopeniya russkim svyatyim. Po materialam rukopisnoy pevcheskoj knigi XI–XIX vv. “Stihirar mesyachnyiy”* [Chants of Russian saints. According to the materials of the book manuscript singing XI–XIX centuries. “Stihirar month”], Sankt-Petersburg. (in Russian).
13. Spasskiy, F. G. (2008), *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo (po sovremennym Mineyam)* [Russian liturgical creativity (modern Mineo)], Moscow, Izdatelstvo Moskovskoy Patriarkhii. (in Russian).
14. Toporov, V. N. *Svyatost’ i svyatiye v russkoj duhovnoy kul’ture* [Sanctity and saints in the Russian spiritual culture], Moscow, Gnozis, Yazyki russkoj kultury, vol. I. (in Russian).
15. Fedotov, G. P. (2000), *Svyatyje drevney Rusi* [The saints of ancient Rus], *Sobranie sochineniy v 12 tomah* [Collected works in 12 volumes], vol. 8, Moscow, Martis. (in Russian).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РЕПЕРТУАРНЫЙ СОСТАВ СЛУЖБЫ ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКОМУ

(по певческой рукописи Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Кирилло-Белозерское собрание, № 586/843, л. 549 об. – 552)

Раздел службы	Жанр песнопения	Инципит текста песнопения	глас
Малая Вечерня	3 стихиры на “Господи воззвах”	1. “Святая гора великымо отцею”; 2. “Началенико инокоюущим”; 3. “Светоносная память твоя”.	1
	Славник	“Денесе гора Афонская”.	6
	3 стихиры “На хвалитех”	1. “Ото землихо ко небеснымо обителемо”; 2. “Телесеный чюства воздержаниемъ отече умертвило еси”; 3. “Стадо твое иже тебе почитающихъ преподобне”.	2
	Славник	“Храмо пречестено божи матерее”.	2
Великая вечерня	Три стихиры на “Господи воззвах”	1. “Егда божественое рачение наиде на тя пребогате”; 2. “Егда христовою любовию распалилося ти преподобне”; 3. “Егда божественую любовь во сердцецы приятно отче”.	4
	Три стихиры “На хвалитех”	1. “Жела видети неизреченную радосте владыко”; 2. “Денесе похваленоую песне во памяти твоеи”; 3. “Во темнъсте яко прсветелая звезда восияль еси”.	6

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ФИТЫ

		Отцемо	1-я стихира на «Господи воззвах» Малой вечерни, 1-й глас
		Инокующимо	2-я стихира на «Господи воззвах» Малой вечерни, 1-й глас
		Твоя	3-я стихира на «Господи воззвах» Малой вечерни, 1-й глас
		Тебе	Славник Малой вечерни, 6-й глас
		песнеми	Славник Велицей вечерни, 2-й глас
		спасти	2-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни
		Моли	3-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		спасти	2-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Твоимъ	
		Еси	3-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас, 1-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		пещероу	2-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		празднующихо	3-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		спасти	1-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		песнеми	Славник Велицей вечерни, 2-й глас
		спасти	3-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Молимося	Славник Малой вечерни, 6-й глас
		Темъ же	2-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Молися	1-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		Оученико	2-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		Спаستися	3-я стихира «на хвалитех» Малей вечерни, 2-й глас
		на Тя	1-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Распаллося	2-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Сердецы	3-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		темъ же	1-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		добродетелно	1-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		Тамо	1-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		свыше	2-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас
		тамо	3-я стихира на «Господи воззвах» Велицей вечерни, 4-й глас